

Если бы все люди на земле любили поэтов и читали их книги, мир был бы иным. Не было бы войн: «в природе нет пространства для войны», не было бы опустошающих и разрушающих природу деяний ученых и государственных мужей, что приводят к экологическим катастрофам: «о милости река взывает к нам. От ужаса стремнина помутнела. Как ящерица, с хрустом, пополам разорублено реки живое тело». И много еще чего худого не было бы на земле.

У поэтов обостренная совесть — чувствовать боль и беду там, где она другим еще не видна. У них и судьба особая — ощущать себя гражданином не только страны, но и всей Вселенной.

Счастливая судьба! Естественно, какдыханье, поэт ощущает себя жителем деревни Красная Горка, на правом берегу Томи, и жителем Вселенной. Когда на Крайнем Севере, на берегу Ледовитого океана, спросил себя: здесь ли начинается Россия?

... влруг качнулся подо мною
Великий древний материк.
Москва, и тракт
под Маринском,

и кедрачи, и Томь-река —
Через хребты по-матерински
Протянутая мне рука.

Это дар от Бога — воспринимать мир во всей его целостности. Стоя на берегу маленькой речушки, видеть океан, в который в конце концов впадают и ее струйки.

У Юрова же в судьбе не речушка, — Томь, река-родная, дарованная раз и навсегда. И нет в его поэзии, в прозе мотива более постоянного, более животорного, более любимого. Поэтическое восприятие чистого потока воды как движения и природы и человека, их сливности, нераздельности, взаимообогащения — это источник его творчества, его судьба.

«В 1972 году началось мое многолетнее путешествие по родной Томи и по векам ее бед и несчастий, — говорит Юров. — Я открыл жертвенный характер реки и ее безысходное будущее для себя и постарался об этом рассказать людям. Я увидел смысл своей жизни в том, чтобы защитить родную

реку и ее берега или хотя бы попытаться это сделать».

И все, что было на Земле Кузнецкой в эти годы доброго и худого, все это было добрым или худым в его личной жизни.

В путешествии по реке — от устья до истока, в писательском изучении жизни, что поднималась на ее берегах, в многочисленных встречах с людьми — учеными, производственниками, партийными и общественными работниками, участия в ответственных заседаниях и советах о судьбе реки произошло много осмысленных проблем жизни человека и природы, времени прошедшего и дня сегодняшнего. А острая боль, понимание причин жестокого, неразумного отошения человека к природе не уmeshались уже в строчки стихотворений и поэм («Борискин ключ», «Альма матер», «Песня о городе», «Абориген», «Планета Кемерово»). Появились отдельные очерки, а затем и книги художественно-публицистические — «Труженица Томь» (1974), «Река родная» (1979), за которые автор был удостоен премии Союза журналистов СССР.

В 1992 и затем в 1996 гг. в Кемерово была издана третья прозаическая книга «Какого цвета Томь-река». Она включила в себя, кроме очерков о Томи, повесть об ученом-метеорологе из Горной Шории Дьякове. Это тоже повесть о человеке и природе, грустная повесть. Анатолий Витальевич Дьяков — Бог погоды, не признанный официальный наукой, оторванный от нее на несколько десятилетий, «озарил научный небосклон неведомым доселе светом, вызвал недоумение и раздражение в академических кругах, заслужил благодарность и любовь у работников сельско-го хозяйства, авиаторов, строителей — у всех, кто пользовался его прогнозами погоды». Его научные открытия, основанные

на изучении солнечной энергии, могли принести государству огромную выгоду и пользу, но оказались невостребованными, ненужными!

Автор повести убежден — к научным открытиям Дьякова еще прибегнет наука. Еще сроботает открытый улудатским отшельником Закон конца поларной ночи. Думаю, что и к повести Г. Юрова еще обратятся пытливые люди из будущего века. Она, эта повесть, изданная мизерным тиражом, по-настоящему еще и не прочитана.

Геннадий Евлампиевич Юров родился в Кемерово 14 марта 1937 г. Здесь прошло его детство, здесь закончил школу. После окончания Томского университета работал в газетах «Кузбасс», «Магаданская правда», редактором Кемеровского книжного издательства, корреспондентом журнала «Российская Федерация».

Он член Союза писателей. Я назвала уже его главные поэтические сборники и произведения в прозе, но, по сути, — это все одна книга. Поэтическая книга о человеке и природе, о том, как строится его взаимоотношения с ней и с другими людьми, о взаимопроницаемом влиянии этих двух явлений.

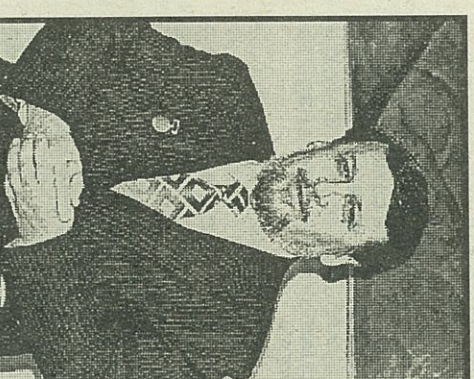
Книга о неотвратимости изменений в мире и необходимостиสติ разумного начала во всем. Книга о реке, о терзающей душу вине перед ней и о том, что природа все-таки добра к нам и, как может, врачует и свои и наши раны.

Несмотря на все, мир Юрова светел, гармоничен, дружелювен к человеку. «От любви ответной, от травы по груди, от мечты заветной в море кончить путь» может быть счастлива планета Кемерово, частица мирового пространства.

Я люблю поэму Юрова «Альма матер». В ней Геннадий Евлампиевич вспоминает о тех заветах юности, что вынес он из

Томского университета, и спрашивает себя: был ли верен им, оправдал ли надежды добрых наставников.

— Не может, мальчик мой,
Поэзия в обязанность
вмешаться.

В связи с 60-летием
решением коллегии
Министерства РФ по
делам СНГ специальная
литературная премия за
вклад в укрепление
дружбы народов при-
суждена кузбасскому
поэту и публицисту Ген-
надию Юрову.

Дай бог тебе судьбы
неприходной —

На должность
и на чин не разменяться.

— Не страшно там,
Где будешь одинок.

Не страшно там,
Где славы не прибавит.

А страшно на обочине дорог,
Которыми седолия ходят люди.

Геннадий Юров не разменял своей судьбы на должность и чины и плыть по течению не мог себе позволить: река научила преодолевать стремнины.

В большой и светлой книге жизни поэта нет гневных обличений, эпосы. Они остались за рамками его литературных произведений.

Его герои — романтики, поряжающие небо, старатели, что ищут клады там, «где очень трудно быть счастливым», бульдозеристы, заглушающие мотор, чтобы послышать соловья, женщины, котормым хочется дарить цветы.

Он даже недругов поминает не зло, да и смерть для него — та же жизнь природы, «легкий бег оленя», что уносит наши души за последний перевал.

В исповедальной его лирике строка заветная легла «меж молотом и наковальней». Это так. Но и тогда, когда конфликт природы и человека, природы и наступающей производственной мощи особенно жесток, поэт понимает: движение жизни, перемены необоримы.

Мощь державы создавала и на вскрытые пластов земли, на вырубке кедрачей, на дымах, в которых задыхались и задыхаются наши города. Беда в том, что «мы черпали могущество страны в могуществе природы безвозмездно». Забывали, что за словом «вскрыша» столько «хруста, крежета и ран».

Даются больно уголь и руда.
Прострелы скважины
иссушают поле.

Встают на этой боли города,
Заводы поднимаются на боли.

Рождается новый город,
район — и покидают свое русло ручьи, выскакают заваленные родники, желтеют сосны. И уже не различишь, где облако, где дым.

Где пойма —
и где шахтные провалы.
Мы поздно спохватились:
— Что творим!
Ах, если бы нам
все начать сначала!

Я сказала — у поэтов счастливая судьба. Да, счастливая, но сколько в ней и печали, и вины за все, что происходит! Сколько горького одиночества, боли, жажды справедливости! Сколько страстного желания быть услышанным и получить ответ!

Что даровано от бога?
— Только Родина да мать.
Только память да тревога,
Только жажда даровать.
Только странствий
звбкий климат

Да утраты за спиной...
Но однажды люди примут
Сотворенное тобой.
Звук и отзвук различая,
Божьим даром назовут.
После долгих лет отчаянья
Счастья несколько минут.

С юбилеем, Геннадий Евлампиевич! Да не погаснет огонь в Вашей душе!
Н. СОКОЛОВА,
фото А. БЛОТНИЦКОГО.

Озеро манцуюших хариусов

А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незлыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалече,
И озеро рванулось ей навстречу,
И перекат зашел на ста наречьях,
И хариусы вышли танцевать.

Я — зритель небывалого балета.
Я в зал стозвоновый впушен без билета.

Мне это место кажется отменным,
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А поэзия по солкам и приторкам
Шумит кустов зеленая галерка,
И по ущельям каменным торолкко
На зрелище стеклются ключи.

Танцуют хариусы. Как они танцуют!

Они как будто белый свет целуют,
Летят по воздуху и — разом замирают,
Лишь плавников подпрыжны весра.
На дно ныряют,
голшу замеряют,
Зарю хватают,
в воду окунают
и мчатся за полетом комара.

О, Колыма! Ты так скупа на ласку.

Прости, что тайну предаю огласке
И выставлю людям напоказ.
Нелзя — чтоб не выдать такого блеска.
Нелзя — чтоб не слышать такого плеска.
На озере в зеленых перелесках
Танцуют хариусы,
Как в последний раз.